

Зоометафоры множества: субстантивная и адвербиальная семантика

Оксана Михайловна Исаченко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
Контакт для переписки: isachenkoo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию семантических, прагматических и деривационных характеристик зоонимов, обозначающих множества: *выводок, гурт, караван, косяк, отара, помёт, рой, свора, стадо, стая, табун* (11 лексем). В существующих толковых словарях их вторичные значения представлены непоследовательно и неполно. В частности, не отмечены реально функционирующие в современном русском языке адвербиальные употребления метафорических значений. Такие метафоры преимущественно обозначают движение и перемещение больших масс объектов, чаще всего людей. На основе материала толковых словарей и Национального корпуса русского языка предлагаются способы и формулы для корректирования и унификации лексикографического описания русских лексем со значением ‘множество животных’, а также введения специальных прагматических помет для дифференциации их употребления. Разноаспектный анализ единиц микрогруппы «Группы животных» наглядно демонстрирует сложное взаимодействие семантики и грамматики в процессах метафоризации и адвербиальной конверсии. Объем выборки, на основе которой проведено исследование, — 638 контекстов с метафорами множества, связанными с классом счетных слов в грамматическом аспекте и тематическим полем зоонимов — в лексическом аспекте.

Ключевые слова: метафора, когнитивная проекция, зоометафоры, образы множества, синтаксическая модель, конверсия, функциональная транспозиция, адвербиализация

Цитирование: Исаченко О. М. 2024. Зоометафоры множества: субстантивная и адвербиальная семантика // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 2 (38). С. 40–56. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-40-56>

Поступила 10.09.2023; одобрена 27.02.2024; принята 13.05.2024

Zoometaphors of multiple: substantive and adverbial semantics

Oksana M. Isachenko

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Corresponding author: isachenkoo@mail.ru

Abstract. The article describes semantic, pragmatic, and derivational characteristics of zoonyms denoting sets: *выводок, гурт, караван, косяк, отара, помёт, рой, свора, стадо, стая, табун* (11 lexemes). In the existing explanatory dictionaries, their secondary meanings are presented inconsistently and incompletely. In particular, adverbial uses of metaphorical meanings that actually function in the modern Russian language are not noted. Such metaphors mainly denote the movement and movement of large masses of objects, most often people. Based on the material of explanatory dictionaries and the Russian National Corpus, methods and formulas are proposed for correcting and unifying the lexicographic description of Russian lexemes with the meaning of ‘many animals,’ as well as introducing special pragmatic labels to differentiate their use. A multidimensional analysis of the units of the microgroup “Animal Groups” clearly demonstrates the process of complex interaction between semantics and grammar in the processes of metaphorization and adverbial conversion. The sample size includes 638 contexts with set metaphors associated with the class of counter words in the grammatical aspect and the thematic field of zoonyms in the lexical aspect.

Keywords: metaphor, cognitive projection, zoometaphors, set images, syntactic model, functional transposition, conversion, adverbialization

Citation: Isachenko, O. M. (2024). Zoometaphors of multiple: substantive and adverbial semantics. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(2), 40–56. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-2-40-56>

Received Sep. 10, 2023; Reviewed Feb. 27, 2024; Accepted May 13, 2024

Введение

Постановка проблемы

К «зоонимам» в широких границах причисляются любые наименования животных: *карась, тигр, блоха* и т. д.; дериваты от названий животных: *львиный, свинина, собачка* и др.; а также лексемы, которые имеют связь с животным миром: *пастбище, степь, копыто, зверь* и т. д. [Миронюк, 1987, с. 6]. Иными словами, «зоонимы фиксируют реалии

животного мира» [Маслов, 2014, с. 3]¹. Мы придерживаемся именно этой логики, относя к зоонимической лексике названия совокупностей животных: *стая, стадо, табун, караван* и др., вопреки сложившейся в отечественной лингвистике традиции — считать зоонимами преимущественно названия животных (например, [Николаева, 2022]).

Если опираться на предложенную Н. В. Солнцева терминологическую дифференциацию внутри гиперонима «зооним», который может, с одной стороны, принимать «облик» зоосемизма, собственно называть животное (млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и т. д.), а с другой — зооморфизма, «переносного, метафорического варианта, проецируемого на человека, характеризующего и оценивающего его под разными углами зрения» [Солнцева, 2004, с. 12], то лексическую основу образов множества составляют зоосемизмы — названия групп животных (*табун, стадо*), птиц (*выводок*), рыб (*косяк*), насекомых (*рой*). В целом их языковая природа «зооморфная», хотя контексты доказывают, что объектами счета могут быть не только люди. В таблице 1 приведем зависимые грамматические единицы, выраженные сущ. и прил. (93 лексемы), для образа множества *выводок*.

Таблица 1. Объекты множества, обозначаемого метафорой *выводок*

Table 1. Objects of the set denoted by the metaphor *выводок*

Тип объекта	Объекты счета
Человек (65 единиц)	женщины, прелестницы, старухи, малыши, дети, детишки, ребятишки, ребята, сироты, слуги, потомки, медсестры, продолжатели, юноши и девушки, девицы, девчата, пары, адмиралы, филологички, внуки, барышни, следователи, воспитанники, певцы, врачи, студенты, ловкачи, туристы, бразильцы, пройдохи, мошенники, звезды, журналисты, собратья, приятели, кадеты, губернаторы, азиаты, участники... вампиры, хоббиты, марионетки литературный в., полицейский в., министерский в....
Артефакт (16 единиц)	колокольчики, бутылки, резцы и долота, брошюрки, строения, мячи, телефоны, устройства джипы, машины, корабли
Ментефакт (6 единиц)	занятия, термины, фильмы, музыкальные направления
Натурфакт (7 единиц)	грибы, сморчки, звезды, галактики, изумруды, мурашки

По этой причине термин «зоометафора», который определен Э. А. Кацитадзе [1985, с. 6], для образов множества, ассоциированных с животными, более корректен.

В современном понимании метафора — это когнитивное явление, или ментальный феномен, который охватывает языковые категории, а также реализуется в мышлении

¹ Отметим, что в самом исследовании, несмотря на декларацию широкого подхода к зоонимам, автор анализирует названия животных (свободные или в составе атрибутивных сочетаний, типа *цепной пес, фуражная корова*) и их дериваты (*озвереть, зверюга*).

и действию, т. к. посредством метафор люди категоризируют окружающий мир, структурируют и воспринимают его. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонса, «в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев», которые «представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром объектов и с социумом» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 157].

Для рассмотрения зоонимических метафор множества важным является знание человека о коллективной организации жизнедеятельности некоторых диких и домашних животных¹ — овец, коров, пчел, птиц, рыб и др. (когнитивная структура «источника»), которая в разных проявлениях аналогична человеческому сообществу (когнитивная структура «цели»), что отчасти объясняет высокий инвективный потенциал зоометафор [Маслов, 2014]. Процесс метафоризации сопровождается трансформацией: некоторые области цели структурируются по образцу источника, т. е. происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 157]. На примере зоометафор множества можно проследить специфику когнитивных проекций.

Животные выступают «эталонном множественности» прежде всего при метафорической экспансии в сферу «Человек», что, за редким исключением (*косяк* и *рой*), подтверждается количественными данными (абсолютными и относительными), представленными в таблице 2 (лексемы приведены в порядке убывания их количества в сфере-мишени «Человек»).

Таблица 2. Количественные данные использования зоометафор для «счета» людей

Table 2. Quantitative data on the use of zoometaphors to “count” people

Образ множества	Процент реализаций зооморфного значения	Отношение зооморфных контекстов к общему кол-ву
помёт	100	9/9
свора	93	136/144
стадо	83	66/80
табун	78	47/60
стая	72	76/105
выводок	70	65/93
отара	67	4/6
гурт	67	4/6
караван	65	28/43
косяк	55	18/33
рой	37	22/59

¹ Исследователи отмечают гендерное разделение, которое в большей степени характерно для названий домашних животных (на фоне сравнения с названиями диких животных) [Николаева, 2022, с. 8]. Вопрос гендерной корреляции внутри корпуса зоометафор ставится и в [Маслов, 2014, с. 9].

Метафорическая семантика таких единиц объясняет необходимость их включения в грамматическую категорию «Количество», выражающую внешние параметры объекта (его величину, число, объем, степень развития свойства и т. д. [Рос. энцикл. словарь, 2001, с. 706]). Счетные единицы могут быть точными или приблизительными, в зависимости от способа представления множества — как определенного или неопределенного. Образы множества в русском языке являются регулярным средством наименования неопределенно большого количества объектов (*армия, дождь, вагон, воз, гора, река, лес, море, туча, тьма, арсенал* и т. п.) [Лукьянова, 1986, с. 123]. Эти единицы относятся к «квантификаторам», наряду с другими грамматическими и лексическими единицами: местоимениями (*сколько, несколько*), наречиями (*много, мало, немножко*), отнумеративными прилагательными (*первый, сотый*), идиомами с количественным значением (*куры не клюют, дел непочатый край, воз и маленькая тележка*) и др. В терминах С. А. Крылова, изучающего способы квантификации, образы множества являются естественными «сегментаторами» дискретных субстанций, в отличие от искусственных вторичных сегментаторов континуальных субстанций (*вагон, мешок, капля*) [Крылов, 2005, с. 45].

Н. А. Лукьянова выделяет 12 семантических типов образов множества: образы стихий (*буря звуков, ураган эмоций, шквал чувств*); образы быстрой смены событий, впечатлений, чувств, предметов (*калейдоскоп впечатлений, фейерверк мыслей*); образы «горизонтального» множества (*море проблем, озеро клеветы, океан слов*); образы, восходящие к войсковым подразделениям (*армия ученых, легион приезжих*) и т. п. Отдельный тип формируют образы, ассоциированные с «миром» животных (*табун машин, стадо людей, косяк поклонников*) [Лукьянова, 1986, с. 127].

В отличие от других типов (в частности, названий стихий или водных объектов), в которых кванторное значение мотивируется семантической (метафорической) деривацией, у зоонимических образов сема 'много' является **ингерентной** («Ребята, как стая голодных форелей, накинулись на мячи» (А. Шалганов. Расписание на выходной)) и в процессе метафоризации «проецируется» на другой класс объектов (ср. *стая ребят накинулась*).

Метафоризация поддерживается синтагматическими средствами, что доказывает конструктивную обусловленность таких значений. Метафоры множества функционируют в составе пяти моделей словосочетаний, частотность реализаций которых исследована на материале картотеки художественных контекстов (286 единиц) [Исаченко, 2021], см. таблицу 3.

Таблица 3. Модели словосочетаний для реализации образов множества

Table 3. Models of phrases for implementing images of sets

(1) $\{N_{\text{обр.}} + N_2\}$ ворох бумаги 70%		(4) $\{Adj + N_{\text{обр.}}\}$ бумажная груда 5%	(5) $\{V + N_{\text{обр.5}}\}$ (Бумага) навалена грудами 9%
(2) $\{N_{\text{обр.}} + [N_2]\}$ кипа [бумаги] 15%	(3) $\{N_{\text{обр.}} \text{ из } N_2\}$ *груда из бумаги 1%		

Метафоры множества воспроизводятся в составе генитивной модели (1) и ее вариантах (2, 3), что является условием для реализации конструктивно обусловленного значения количества или совокупности и у других существительных: *гора золота, гуца народа, галерея типов, море шампанского, реки слов, пропасть собак...* [Басилая, 1979, с. 7–9]¹. Менее характерна для них атрибутивная модель (4), а «адвербиальная» (5) в иерархии типов конструкций занимает второе место по количеству реализаций.

Результаты и обсуждение

Анализ языкового и речевого материала

Проанализируем актуальность процесса адвербиализации (при использовании образов множества в зависимой от глагола позиции — $\{V + N_{\text{обр.с}}\}$) и его лексикографической фиксации на материале зоометафор множества.

На первом этапе по материалам «Большого толкового словаря русского языка» [1998] (далее — БТС) была составлена таблица всех зафиксированных значений исследуемых лексем: первичных, вторичных и выделенных из них — для наглядности — квантитативных семем, которые в большинстве случаев отмечены в словаре как созначения (приводятся после «/»»), см. таблицу 4.

Таблица 4. Лексикографическое описание микрогруппы зоонимов «Множество животных»

Table 4. Lexicographic description of the microgroup of zoonyms “Many Animals”

Лексемы	Первичные значения	Вторичные значения	Квантитативные метафоры
выводок	детёныши одной самки	—	/ о детях одной матери (обычно многодетной)
гурт	крупное стадо домашних животных	—	—
караван	1) группа вьючных животных	—	2) группа судов; движущаяся вереница кого-, чего-л.
косяк ²	1) гурт кобыл с одним жеребцом	2) скопление движущейся рыбы в период икрометания; 3) стая птиц, летящих углом	—
отара	множество овец	—	—

¹ При сопоставлении таких единиц, включая зооморфные образы множества (*рой, свора, стадо, стая*), с аналогами в немецком, французском и английском языках автор выяснил, что «семантический механизм возникновения конструктивно обусловленного значения... универсален», несмотря на то, что в процессе перевода образ множества может варьироваться [Басилая, 1979, с. 14].

Окончание таблицы 4
Table 4 (end)

Лексемы	Первичные значения	Вторичные значения	Квантитативные метафоры
помёт	1) испражнения животного, птицы (используемые обычно как удобрение)	2) единовременный приплод некоторых животных	/ Разг.-сниж. О ком-л., имеющем с кем-л. общее происхождение, взгляды и т.п.
рой	1) семья пчел		2) множество кого-, чего-л.
свора	1) Охотн. ремень, шнур, на котором водят охотничьих собак	2) Охотн. пара или две пары собак	
стадо	1) группа животных одного вида	2) поголовье сельскохозяйственных животных	3) большая неорганизованная группа людей; толпа
стая	1) группа животных одного вида		/ большая группа людей; 2) масса, скопление, множество чего-л.
табун	1) стадо лошадей		2) большая группа, толпа людей; о большом скоплении каких-л. предметов

Для описания первичного значения (за исключением сущ. *свора* и *помёт*) в словаре используется: 1) метаслово *группа* ('группа животных одного вида'; 'группа вьючных животных'), в единичных случаях — *множество* и *скопление*; 2) синонимические замены (*табун* — это *стадо*, *косяк*² — это *гурт*, *гурт* — это *стадо*); 3) биологические термины (*рой* — *семья пчел*); 4) формы множественного числа тематически близких существительных: *выводок* — *детеныши*.

В словаре зафиксированы результаты семантического развития исходных значений, т. е. переносные значения, которые есть у четырех из 11 лексем. Так, метонимические значения имеют *стадо* 'поголовье', *свора* 'пара или две пары собак', *помёт* 'приплод' (вероятно, на основе «смежности» двух физиологических процессов), метафорическое значение отмечено для *косяк*² — 'стая птиц, летящих углом' (по сходству формы).

Метафорическое значение 'множество кого-, чего-л.', независимо от факта и способа их словарной фиксации, развивается на основе прямых значений (*выводок*, *караван*, *стая*, *табун*, *рой*) или, реже, переносных (*помёт*, *стадо*), когда мы имеем дело с производностью второго порядка: 'поголовье' → 'большая группа'. Семантической трансформацией (в логике гиперболизации) сопровождается метафоризация лексемы *помёт*: количество детенышей у разных животных варьирует в широком диапазоне — от 2, что совсем немного, до 14 (например, у льва 2–4 детеныша, а у свиньи 8–14), для образа множества актуально представление о многочисленном потомстве — ближе к «правому» показателю.

Формирование образа множества может противоречить исходной количественной семантике. Так, лексема *свора* 'пара или две пары собак' (т. е. 2–4 существа) обозначает небольшое количество особей, но в процессе метафоризации объем «денотата» существенно расширяется, о чем свидетельствуют контексты: «Ведь вся эта *свора*, от лейтенантов до генералов, значима лишь на фоне солдат-срочников» [Л. Ланник. Эксперт (2014)]; «Гоголющая *свора* расселась на боковых лавках...» [М. Елизаров. Библиотекарь (2007)].

На втором этапе мы зафиксировали «лакуну» в словарном описании данных единиц. Переносное значение 'множество' отмечено в словаре только у 7 зоонимов, хотя в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ, источники примеров из корпуса даны в квадратных скобках) метафорические употребления, судя по контекстам, имеют и остальные лексемы: *гурт*, *косяк*, *отара*, *свора* («Солнце, заблудившееся в курчавой *отаре* облаков на востоке, наконец, прорвалось...» [Н. Драчинский. На лодке по реке Ли // «Огонек», 1959]); «...увидел на Колве целый *косяк* больших *лодок*» [А. Иванов. Сердце Пармы. 2000]; «Первый *косяк* самолетов начал заметно менять конфигурацию, растягиваться, перестраиваться в круг...» [Ю. Бондарев. Горячий снег. 1969] и др.). Следовательно, речевая практика использования зоометафор множества шире предписанных словарем значений, но строго соответствует универсальной когнитивной проекции «животное → человек». Этот вывод подтверждается наблюдениями за поведением зоометафор в спортивном медиадискурсе (в русском и английском), в котором распространена модель «команда — это стая» и — шире — концептуальная интеграция «животное → спортсмен» [Садыкова, Зарипов, 2022, с. 156].

Для фиксации количественного метафорического значения этих лексем в словаре преимущественно используются нейтральные (*группа* / *большая группа*, *скопление*, *множество*) и реже разговорные слова *толпа* и *масса*, а также синонимы (*караван* — это *вереница*). Такие «метаданные» буквально фиксируют сему 'много'. В некоторых случаях она выявляется методом ступенчатой идентификации, например: *помёт* — 'о ком-л., имеющем с кем-л. **общее**', а значение прил. *общий* содержит кванторные показатели: *все, у всех, для всех, всеобщий* и т. п.

Особенностью описания метафор множества являются прагматические пометы, которые сопровождают некоторые дефиниции (например, *выводок* — по отношению к детям) или содержатся в них (например, *караван* — 'группа судов'), тем самым ограничивают предметную сферу считаемых объектов, что не соотносится с узусом (ср.: ***выводок*** грибов, старух, бутылок, ***караван*** автомобилей, гор, человечества).

На третьем этапе, в процессе работы с НКРЯ, была выявлена следующая закономерность: зоометафоры множества практически в полном составе участвуют в лексико-грамматическом процессе адвербиализации (или синтаксической деривации). Они используются в функции наречия и в синтаксической роли обстоятельства образа действия, по сути, являются «потенциальными адвербами» [Калякина, 2007, с. 1]. В адвербиализации участвует одна падежная форма субстантивной парадигмы — Тв. п., в единственном или, реже, множественном числе. Это живой процесс, который подчиняется общей диахронной логике, т. к. «исторически наречия возникли

на основе транспозиции, т. е. в процессе развития языка использовались уже имевшиеся названия объектов, их свойств и отношений, переводимые в класс наречий посредством адвербиализации» [Калякина, 2007, с. 7]. Семантическая, структурная и функциональная близость имен и адвербиалов [Дегальцева, 2022, с. 28] объясняет традиционность такой конверсии (или, в другой терминологии, «транспозиции» [Калякина, 2007], «межкатегориальных транспозиций» [Шигуров, Шигурова, 2022, с. 92]). Адвербиализация форм Тв. п.¹ для описания образа действия стоит на втором месте по частотности реализаций [Калякина, 2007, с. 11], а в структуре функционально-грамматического поля «Наречия» такие адвербиалы попадают в «зону отдаленной периферии», которую «составляют слова других частей речи, в определенных условиях выполняющие обстоятельственные функции, сходные с наречными» [Патракина, 2013, с. 20].

Фактом словаря исследуемая грамматическая конверсия не является (впрочем, для синтаксических дериватов это общая проблема, см. [Урысон, 1996]): в БТС наречное значение фиксируется только для одной лексемы — *косяк*: «**Косяк**² — косяком, в зн. нареч. Разг. В большом количестве, массой. Гости пошли к.». Это употребление присуще разговорной речи и обозначает массовость актантов, которые, как правило, движутся — поэтому типична сочетаемость с формами глагола движения *идти*: «Сюда **косяком** шли писатели...» [А. Гиммерверт. Наследник Гиппократа. 2009]; «Вертолеты пошли косяком...» [В. Синицына. Муза и генерал. 2002]; «А сегодня в суды **косяком** пошли никогда не встречавшиеся в судебной практике гражданские иски к медицинским организациям» [Ю. Крывелева. Музыку заказывает пациент... // «Семейный доктор», 2002]; «... а потом вдруг письма в Томск пошли косяком» [В. Шаров. Воскрешение Лазаря. 1997-2002]; «...но случалось — удачи шли косяком» [А. Ласкин. Ангел, летящий на велосипеде. 2001]. В предложении «В общем, ходки к тебе сегодня **косяком**» [С. Шикера. Выбор природы. 2014] предикат отсутствует, вероятно, в целях преодоления плеоназма (*ходки идут*).

Другие зоометафоры множества в адвербиальной функции также связаны с описанием массового движения субъектов или перемещения объектов — сочетаемость с глаголами соответствующей семантики является регулярной, она последовательно выявляется в группах контекстов с анализируемыми единицами:

- *табуном* («...они веселым **табуном** бегут сдаваться [М. Баконина. Девять граммов пластита. 2000]; «Нешто в законе сказано, чтоб народ **табуном** ходил?» [А. Чехов. Унтер Пришибеев. 1885–1886]; «Народ **табуном** несется по улице, крик, вой, плач, дети визжат...» [Ф. Гладков. Повесть о детстве. 1948]; «Иностранцы к нам **табуном** валят...» [В. Аксенов. Остров Крым. 1977–1979]; «Мальчишки **табуном** следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости...» [Е. Велтистов. Электроник — мальчик из чемодана. 1964]);

¹ Л. П. Крысин считает их формами существительных и включает в ряд готовых гиперболизирующих средств синтаксической природы — «конструкции с творительным количественным» (*К нему фрукты вагонами везут, Я ему бумагу тоннами таскаю*) [Крысин, 1988, с. 108].

- **гуртом** («Студенты... решительно топя, **гуртом поднимались** на второй этаж снова» [В. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», 2004]; «... и мы всем **гуртом уйдем** в отставку...» [А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике. 1979]; «Изредка мы **гуртом ездили** к соседям...» [Д. Григорович. Литературные воспоминания. 1893]; «... **собрались** мастеровые **гуртом** и **двинулись** вместе со старостой к пану» [А. Крамер. О скитальцах и странниках. 2013]);
- **караваном** («Во взрослые гости они **ходили караваном** — всей семьей» [Г. Галахова. Легкий кораблик — капустный листок. 1975]; «... корабли **идут караваном**...» [Е. Водолазкин. Лавр. 2012]);
- **роем** («Он воздел свои руки и **роем снежинок**, букетом цветов полевых в окна ей **бросил**...» [А. Белый. Кубок метелей. 1907]; «Бездомные и любители чужой собственности **роем возвращались** с лона природы на старое пепелище» [И. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц. 1889]);
- **стадом** («... публика **стадом подымается** с мест и торопится к выходу...» [П. Гнедич. Книга жизни. 1918]; «... Мужики **стадом кинулись** в двери» [Н. Ларионов. Тишина. 1925]; «Втикай, робя! — И крестьяне **стадом бросились** к оврагу» [В. Шишков. Емельян Пугачев. 1939–1945]; «... все по вечерам **ходят стадом** в кино» [К. Чуковский. Дневник. 1954]; «... пугливые мысли вспорхнули уже со всей окружавшей ее роскоши и **носились стадом** в мрачной... будущности» [А. Вельтман. Приключения... 1848]);
- **стаей** («Мальчишки... **стаей мчались** к берегу» [В. Шишков. Угрюм-река. 1913–1932]; «Он-то отлично знал, почему... **сотрудникам АСБ положено ходить стаей**» [О. Дивов. Выбраковка. 1999]).

Для лексем *отара*, *выводок* и *помёт* в НКРЯ адвербиальных употреблений форм Тв. п. ед. ч. не выявлено, однако очевидно, что они возможны: *облака неслись отарой*, *дети выводком ходили за матерью*. Основанием для «прогнозируемых» реализаций в роли наречия является системная аналогия с другими единицами микрогруппы, а также с синонимичным сущ. *толпа* 'неорганизованное скопление людей', для которого грамматическая конверсия закреплена в словаре: ср.: *толпой*, в зн. нареч. Сообща, все вместе [БТС] — *бросаться, нахлынуть, брести, стоять, кричать... толпой*.

Как следует из примеров, конверсивы *гуртом*, *стадом*, *табуном*, *стаей*, *роем*, *караваном* описывают движение (*бежать, ходить, валить, нестись* и др.) большого количества актантов, которые перемещаются шагом/бегом (или на транспортном средстве), не спеша или стремительно, преимущественно в одном направлении. Тип описываемого движения обуславливает и выбор глагола (скорость и «трафик» дифференцируют глаголы *ходить, бегать, мчаться, нестись, налетать, нападать, кидаться*), и образной номинации. Так, перемещения в «формате» *табуном* чаще проецируются на стремительные перемещения (аналогия с *бегущим по открытому месту табуном*), которые передают глаголы *бежать, нестись, мчаться*. Другая скорость движения возможна, если наречие примыкает к глаголам *ходить, валить* 'разг. Идти, двигаться в большом количестве', *следовать*.

Наречная метафора *караваном* описывает специальную «конфигурацию» участников движения, что обусловлено прямым значением лексемы (*караван* — ‘движущаяся вереница’). Связь с образом верблюда объясняет прагматический запрет на сочетание с глаголами скоростного и/или разнонаправленного движения или перемещения («Коробки *выносили караваном*, кабинет пустел» [А. Терехов. Каменный мост. 1997–2008], но не *люди разбегались караваном). Не случайно объектами движения караваном становятся *облака, корабли, машины*, которые перемещаются с ограниченной скоростью в одну сторону (такие употребления, как: «В общем, мы *помчались караваном*, как какие-нибудь hell’s angels» [В. Аксенов. Тайственная страсть. 2007] — нетипичны).

Одной из модификаций мобильности является состояние покоя (*стоять, сидеть*) для множества подвижных объектов, которые временно не перемещаются: «... на пригорке, *стадом сбились* несколько десятков машин, ждут...» [Л. Бронтман. Дневники и письма. 1943–1946]; «Наши *битюги-тракторища стадом стоят* в МТС» [Г. Николаева. Битва в пути. 1959]; «А мы, *девочки и девушки, гуртом сидящие* на берегу, замерли...» [Н. Мордюкова. Казачка. 2005]; «*Выводками сидя* вокруг костерков, *девушки* обрезали свеклу...» [В. Астафьев. Обертон. 1995–1996].

Помимо интегрального свойства описывать способ и характер движения (и предусмотренной сочетаемости с «мобильными» глаголами), некоторые наречные зоометафоры имеют специфические характеристики. Так, *табуном* традиционно описывает «асимметричные» отношения полов, когда «точкой притяжения» массового внимания (ухажеров, обожателей, поклонников/поклонниц) и целенаправленного движения является особь/особа исключительной привлекательности для противоположного пола: «*Миллионерши* ходили за ним *табуном* и усиленно поили» [Д. Каралис. Автопортрет. 1999]; «... *девчонки* всегда за ним *табунами* ходили» [О. Рэйн. Ая шамана Арбузова. 2015]; «*Мужчины* за ей, конечно, как сибирские коты, так *табуном* и ходят» [С. Черный. Солдатские сказки. 1932] — ироничность контекста создается контекстуальным соседством *табуна* и *котов* (в представлении носителей языка, коты не стадные животные). Аналогично используется и конверсив *роем*: «За красивой и статной молодой женщиной... *роем* вились *поклонники*» [П. Сиркес. Труба исхода. 1990–1999]; «*Женщины* вокруг Майка вились *роями*» [А. Ковальчук. Майк Тайсон... // «Криминальный отдел», 2010]. «Магнитом» привлечения внимания может быть взрослый, к которому тянутся дети: «Но ведь ты человек самостоятельный, с юмором! *Ребята* за таким *табуном* ходить должны» (А. Шалганов. Расписание на выходной).

Для наречной метафоры *роем* традиционным является описание движения абстрактных сущностей (*слов, мыслей, воспоминаний*), что коррелирует с метафорическими употреблениями сущ. *рой* (оно практически не используется в сфере-источнике «Человек») и метафорическим глаголом *роиться* («*Вопросы роились* в голове» (Г. Яхина. Дети мои)). Объекты, вызывающие ассоциацию с роем, относятся к речемыслительной деятельности, продукты которой могут звучать (похвалы) или смутно слышаться и с трудом «визуализироваться»: «...мысли *роем кружились* в голове» [А. Ростовский. По законам волчьей стаи. 2000]; «от тех *похвал*, которые *роем излетают* из уст ваших и *роем носятся* вокруг...» [Н. Дурова. Год жизни в Петербурге...» 1838]; «И *воспоминания*

эти *порхают роем* в голове и сердце счастливица» [Н. Лесков. На ножах. 1870]. Метафорические глаголы *кружиться, порхать, летать* предполагают массу «легкомысленных» актантов, если принимать во внимание метафорическую проекцию *роя пчел*. Использование других конверсивов в этой семантической области возможно, но нетипично: «Тысяча несобранных вместе *мыслей табуном пронеслись* в моей голове» [А. Котюсов. Дело о помидорах // «Волга», 2012]; «...*бегают инженеры мыслью по кругу*... Бегают и по одному, а чаще *стаей*» [К. Феоктистов. Траектория жизни. 2000].

Наречие *гуртом* используется в контекстах с глаголами общей созидательной деятельности: «В песнях, к примеру, *все* теперь *гуртом* да коллективом *робим*, а в жизни каждый норовит отгородиться от другого глухим забором» [А. Приставкин. Вагончик мой дальний. 2005], а с помощью метафор *сворой* и *стаей* описывается агрессивный образ действия многих лиц: «Форсит ведь! *Сворой налетают надзиратели*» [А. Соболев. Колесуха. 1925]; «Вон, *инородцы — стаей нападают*» [Коллективный форум: Православие и «Русский марш», 2012], — что является прямой проекцией на свору/стаю собак, враждебную человеку и опасную для него.

Помимо прямой корреляции с «прототипом», возможно искажение метафорической «проекции». Если для стада животных свойственно неспешное перемещение с места на место в поисках прокорма, то в массовом действии *стадом* прослеживается импульсивная динамика, триггером которой может быть страх, интерес/любопытство, волнение/ажиотаж и т. п. Образ действий *стадом* характерен прежде всего для людей, которые подвержены *стадному инстинкту* (*мужики, крестьяне*). При метафоризации возможен перенос атрибута из сферы-источника в сферу-мишень: «*Льдины* стали мельче и прозрачней, *покорными стадами* неслись по реке — могучая зеленая вода уносила их в Каспий» (Г. Яхина. Дети мои) — использование исходных семантических связей, которые вступают в противоречие (*покорные — неслись*, хотя покорность ассоциируется с бездействием), актуализирует когнитивную проекцию, усиливает ее эффект.

Дополнительным средством масштабирования большого количества является форма мн. ч. Будучи счетными словами, эти единицы изменяются по числам: *выводки, табуны, стаи* и др. Но адвербиализация формы мн. ч. распространена в меньшей степени, если судить по контекстам из НКРЯ. Чаще других в функции наречия используются формы: 1) *косяками* («*Косяками* пойдут материалы о том, что крупный бизнес на 40–50% формирует бюджет...» [Е. Костюк. Сверхбедные против свербогатых // «Время МН», 2003]; «Да клиенты к вам *косяками* пойдут!» [Д. Косенко. Малиновый берет. 2015]); 2) *стадами* («... из тех тяжелых, странных колымаг, что *стадами* мигрируют в Россию...» [О. Славникова. 2017. 2017]; «От прежних хозяев... сохранился только ковер, по которому *стадами* скакали блохи» [И. Стогов. Буги-вуги-Вуок... 2012]; «... в лесах браконьеры ходят *стадами*...» [Н. Аржанов. И выше, и ближе, и дальше... // «Волга», 2011]); 3) *табунами* («По кладбищам людоеды *табунами* ходили...» (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза)); 4) *стаями* («Репетиторы *стаями* уже и у первоклассников...» [А. Привалов. О свершившемся факте // «Эксперт», 2015]; «— Почему вольняшки у тебя в поселке *стаями* шлындают...» (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза)). Формы мн. ч. дополнительно интенсифицируют семантику 'много', грамматически «масштабируют» обозначаемое множество предметов.

Процессу адвербиализации препятствуют согласованные определения к формам Тв. п., которые и «удерживают» их в исходном частеречном статусе. Такие употребления можно считать «гибридными»: «Правда, в последнее время **киношники** всем стадом кинулись ликвидировать „перегибы“» [Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003]; «... обратился Степан к яцким **стрельцам**, которые тупым и безвольным стадом стояли за воротами» [И. Наживин. Степан Разин. 1928]; «Борис ударит, актив и **чекисты** кинутся всей сворой...» [И. Солоневич. Россия в концлагере. 1935]; «Не дожидаясь весны, все они должны были **выехать** одним большим караваном в количестве более 30 человек ...» [А. Мозжухин. Смертная агония была долгой и мучительной // lenta.ru, 2019] и др. В приведенных контекстах очевидна двойная синтаксическая связь образов множества: с адъективом (*стадо тупое, безвольное; караван один большой*) и с глаголом (*ехали караваном, текли караваном, кинуться сворой*).

В случаях замещения атрибутива десемантизированными единицами (местоимением *весь* или функциональным синонимом *целый* '2. Весь, полный (о ёмкостях, площадях, сроках и т. п.)), по сравнению с полнозначными определениями («Их окружают **репортеры** жадной стаей, идут за ними, не отставая» [Е. Замятин. Подземелье Гунтона. 1931]; «А **студенты** в это время огромной стаей паслись на территории университета...» [В. Розов. Удивление перед жизнью. 1960–2000]), адвербиализация представляется фактически состоявшейся, «пустые» элементы контекста интенсифицируют идею целостности, единства, спаянности, слитности массы объектов, названных *стадом, стаей, роем* и пр.: «**Народ**, потеряв голову, **бросался** целым стадом то в одну, то в другую сторону...» [В. Шкловский. Зоо. Письма не о любви... 1923]; «Иногда им удается целой сворой забить ногами... человека...» [М. Кастет. Система рукопашного боя «Стальной волк». 2004]; «**Ехали** туда целым караваном и непременно с прислугой...» [А. Бенуа. Жизнь художника. 1955]; «**Явились** целым роем воспоминания» [П. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк. 1878]. Об усилительной роли прил. *целый, весь* (а также *сплошной, один*) пишет Л. П. Крысин, анализируя средства «разговорной» гиперболизации. В качестве аргумента приводит семантику структуры: «*весь X P* = 'имеет место действие P, направленное на X: говорящий хочет убедить слушающего, что действию P подвержен X в целом, и отрицательно оценивает P' (*Вы мне **весь** костюм испачкали; Сегодня **всю** ночь не спала...*)» [Крысин, 1988, с. 106]. Сочетание «*весь X*» транслирует усиленную отрицательную оценку происходящего.

Из сказанного следует, что атрибутирование адвербиалов местоимениями *весь* и *целый* обеспечивает монолитность образов множества, которые в грамматическом плане ближе к наречиям (на «шкале переходности» {A → Аб → АБ → аБ → Б} [Бабайцева, 2000, с. 132] это случай «аБ»).

Заключение

Результатом проведенного анализа семантики и грамматики метафорических образов множества является обнаружение лакун в лексикографическом описании единиц одной тематической группы. Для их устранения в дефинициях можно применять принцип

парадигматического единства, в соответствии с которым учитывать общий вектор семантического развития и грамматических трансформаций. Для всех лексем микрогруппы «Зоометафоры множества» с целью унификации их лексикографического описания целесообразно зафиксировать метафорическое значение 'множество кого-, чего-л.' и на его основе — лексико-грамматический вариант (*гуртом/гуртами, караваном/караванами* и т. д.) с пометой «в зн. нареч.» и общим адвербиальным значением 'Большой группой, скоплением кого-, чего-л.'. Дифференцирующими могут быть прагматические метапоказатели, например: *сворой* и *стаей* (только о людях), *отарой* (об облаках), а также специальные символы, маркирующие потенциальные значения (для лексем *выводок* и *помёт*). Например, словарную статью сущ. *рой* можно дополнить третьим лексико-семантическим вариантом:

РОЙ, роя; мн. рои, роёв; м. 1. Семья пчёл (или других подобных насекомых), образующих во главе с маткой обособленную группу. *Рой диких пчёл. Осинный рой.* 2. кого-чего или с *отр.* Множество кого-, чего-л. *Рой комаров, мошек, мух. Рой снежинок, пылинок. Рой красавиц. Детский рой. Рой воспоминаний. От костра взметнулся рой искр.* 3. **Роем**, в зн. нареч. *Разг.* Большой группой, скоплением кого-, чего-л. (чаще о мыслях, воспоминаниях). *Поклонники вьются роем.*

Заполнение лексикографических лакун можно осуществлять «серийно», учитывая семантическое единство лексической группы, элементы которой представляют совпадающие или близкие результаты деривационной истории, а также когнитивного отображения реальности через семантические и/или грамматические трансформации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бабайцева В. В. 2000. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа. 640 с.
- Басилая Н. А. 1979. Слова с конструктивно обусловленными значениями в учебнике русского языка // Языкознание. Тбилиси. С. 3–17.
- Большой толковый словарь русского языка. 1998 / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 1534 с.
- Дегальцева А. В. 2022. Деадвербиализация как нарушение нормы и лингвокреативный прием // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. науч. статей / отв. ред.: Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного фед. ун-та. С. 27–31.
- Исаченко О. М. 2021. Модели словосочетаний с «образами множества» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию. Владивосток: Изд-во ДВФУ. С. 157–164.
- Калякина О. Н. 2007. Процесс адвербиализации в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Кацитадзе Э. А. 1985. Метафоризация зоонимов в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси. 249 с.
- Крылов С. А. 2005. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М.: Индрик. С. 44–65.

- Крысин Л. П. 1988. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука. С. 95–111.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 1990. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. С. 387–415.
- Лукьянова Н. А. 1986. Лексико-семантическая группа «образы множества» // Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука. С. 123–138.
- Маслов А. С. 2014. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород. 252 с.
- Миронюк Л. Ф. 1987. Семантическая типология славянских зооморфических глаголов. Днепропетровск: Изд-во ДГУ. 80 с.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.04.2024).
- Николаева Н. Н. 2022. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары. 302 с.
- Патаракина Е. О. 2013. Процесс адвербиализации языковых единиц на периферии функционально-грамматических полей наречия и предлога в русском языке // Мир русского слова. № 3. С. 19–22.
- Российский энциклопедический словарь: РЭС: в 2 кн. 2001 / под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая Рос. энцикл.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Доница О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. № 2. С. 7–34.
- Садыкова А. Г., Зарипов А. Р. 2017. Зооморфная метафора в спортивном медиадискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (77). Ч. 1. С. 155–158.
- Солнцева Н. В. 2004. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск. 221 с.
- Урысон Е. В. 1996. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. № 4. С. 25–38.
- Шигуров В. В., Шигурова Т. А. 2022. Функциональная адвербиализация субстантивных словоформ типа «зимой» сквозь призму индексации // Филология: научные исследования. № 6. С. 92–102.

References

- Babaytseva, V. V. (2000). *Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language*. Drofa. [In Russian]
- Basilaya, N. A. (1979). Words with constructively determined meanings in the Russian language textbook. In *Linguistics* (pp. 3–17). [In Russian]
- Kuznetsov, S. A. (Ed.) (1998). *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Norint. [In Russian]

- Degaltseva, A. V. (2022). Deadverbialization as a violation of the norm and a linguistic creative technique. In E. S. Sheremetyeva, E. A. Starodumova, & A. A. Anisova (Eds.), *Russian Grammar in the Dialogue of Scientific Schools, Directions, Methods* (pp. 27–31). Far Eastern Federal University Publishing House. [In Russian]
- Isachenko, O. M. (2021). Models of word combinations with “images of set.” In *Russian Syntax: From Constructions to Functioning* (pp. 157–164). DVFU publishing house. [In Russian]
- Kalyakina, O. N. (2007). *The Process of Adverbialization in the Modern Russian Language* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Katsitadze, E. A. (1985). *Metaphorization of Zoonyms in the German Language* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation]. [In Russian]
- Krylov, S. A. (2005). Quantity as a conceptual category. In *Logical Analysis of Language. Quantitative Aspect of Language* (pp. 44–65). Indrik. [In Russian]
- Krysin, L. P. (1988). Hyperbole in Russian colloquial speech. *Problems of Structural Linguistics*, (pp. 95–111). Nauka. [In Russian]
- Lakoff, J., & Johnson, M. (1990). Metaphors We Live By. In *Theory of Metaphor* (pp. 387–415). [In Russian]
- Lukyanova, N. A. (1986). Lexico-semantic group “Images of set.” *Expressive Vocabulary of Colloquial Use* (pp. 123–138). Nauka. [In Russian]
- Maslov, A. S. (2014). *Investive Zoometaphors in Modern Russian: An Experimental Study* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Mironyuk, L. F. (1987). *Semantic Typology of Slavic Zoomorphic Verbs*. DSU Publishing House. [In Russian]
- Russian National Corpus*. (n.d.). <https://ruscorpora.ru/> [In Russian]
- Nikolaeva, N. N. (2022). *Functioning of Zoonyms in Comparisons and Metaphors of Different System Languages (based on the material of Russian, Chuvash, English and German languages)* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Patarakina, E. O. (2013). The process of adverbialization of linguistic units on the periphery of the functional-grammatical fields of adverbs and prepositions in the Russian language. *World of Russian Word*, (3), 19–22. [In Russian]
- Prokhorova, A. M. (Ed.). (2001). *Russian Encyclopedic Dictionary*. [In Russian]
- Savchuk, S. O., Arkhangel'skiy, T., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., & Podryadchikova, M. V. (2024). Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7–34. [In Russian]
- Sadykova, A. G., & Zaripov, A. R. (2017). Zoomorphic metaphor in sports media discourse: based on the material of English-language and Russian-language media. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, (11-1), 155–158. [In Russian]
- Solntseva, N. V. (2004). *Comparative Analysis of Zoonyms of Russian, French and German Languages in the Ethnosemantic Aspect* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Uryson, E. V. (1996). Syntactic derivation and the “naive” picture of the world. *Questions of Linguistics*, (4), 25–38. [In Russian]
- Shigurov, V. V., & Shigurova T. A. (2022). Functional adverbialization of substantive word forms like “winter” through the prism of indexing, *Philology: Scientific Research*, (6), 92–102. [In Russian]

Информация об авторе

Оксана Михайловна Исаченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>

Information about the author

Oksana M. Isachenko, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>